

Турыгин А.А., кандидат исторических наук, доцент, Костромской государственной университет (Россия)

ПАНГЕРМАНИЗМ: НЕГЕРМАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА ГЕРМАНСКУЮ ПРОБЛЕМУ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ.

В статье речь идёт об оценках и интерпретациях пангерманизма в трудах историков и публицистов начала XX в. Их объединяло негерманское происхождение и стремление представить пангерманизм как целостное явление национального и общеевропейского характера. Интерес историков к Германии связывается с активизацией её внешней политики и началом Первой мировой войны. Пангерманизм рассматривается как идеология национализма, общественное движение и внешняя политика правительства Германской империи в эпоху Вильгельма II (1888-1918). Французские, английские и американские учёные, опубликовавшие свои работы в канун Первой мировой войны, стремятся на основании доступных им источников понять причины пангерманизма, условия его возникновения и характер влияние на ход европейской истории. Автор акцентирует внимание на интуитивном характере интерпретаций пангерманизма, обращаясь к понятию «дистанционное видение», взятому из аналитической психологии начала XX в. На этом основании можно предположить, что попытки осмыслить пангерманизм в большей степени определялись личным опытом, политическими пристрастиями и характером развития дипломатических отношений между странами, чем научной необходимостью. Тем не менее, на примере французской историографии первой четверти XX в. рассматривается опыт объективного научного анализа германской истории (Ш. Андлер, А. Лихтенбергер) и создания французской школы германистики. В научный оборот вводятся опубликованные, но ранее не переведённые на русский язык тексты зарубежных историков.

Ключевые слова: пангерманизм, идеология, национализм, историография, историческая германистика, интеллектуалы, Первая мировая война, публицистика, империализм.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-155-162

Введение

Новые ориентиры внешней политики Германии в сторону усиления её влияния на международные отношения и защиты колониальных интересов, наметившиеся сразу после отставки канцлера О. Бисмарка (1815-1898), нашли живой отклик в немецком обществе. Поддержку правительству Вильгельма II (1859-1941) стала оказывать так его часть, которая всё более решительно требовала активного участия Германии в конкурентной борьбе народов за «место под солнцем» и защиты национальных интересов, которые чаще соотносились с идеями «мирового германства», чем с внутривнутриполитическим единством. Возникновение представлений о всеобщем германском единстве было вызвано убеждением в незавершённости национального строительства в 1871 г. и необходимостью обеспечения имперской идентичности германской нации, идеи которого стала развивать та часть немецкого общества, которую можно охарактеризовать понятием «альянса интеллигенции и олигархии» (*Bildung und Besitz*). Пангерманизм, сопровождавшийся стремлением к территориальной и экономической экспансии (*Weltpolitik*), которая должна была привести к созданию германской колониальной империи в ответ на британский и французский империализм, стал идеологией этого альянса. В то же время работы английских, австрийских и французских теоретиков расизма, антисемитизма, социал-дарвинизма и экспансионизма (Ф. Гальтон, М. Грант, Э. Готье, Ж. А. де Гобино, Х. С. Чемберлен), придавшие пангерманизму новые импульсы, не позволяют рассматривать

пангерманизм исключительно как феномен немецкой национальной истории, напротив, его понимание становится возможным в общеевропейском контексте. Осознавая это, европейские и американские историки конца XIX – начала XX вв. приложили немало усилий, чтобы воздержаться от субъективных оценок и понять природу пангерманизма с научной точки зрения.

Объекты и методы исследования

Одним из центральных понятий аналитической психологии Карла Густава Юнга (1875-1961) является понятие «дистанционного видения». Под ним у швейцарского психолога, основные труды которого были написаны в первую половину XX в., понимается особенность восприятия, не доступная вследствие удалённости в пространстве или времени, пяти основным органам чувств (интуитивное восприятие) [6, с. 2; 15]. В настоящей статье, объектом которой является такое сложное явление, как пангерманизм, использование понятия К. Г. Юнга кажется наиболее уместным, так как речь пойдёт о современниках, желавших понять и объяснить это явление.

Осмысление пангерманизма современниками было характерно не только для самой Германии, где уже в начале XX в. существовала официально опубликованная версия истории «Пангерманского союза» Отто Бонграда (1893-1979) [11], но и для её европейских соседей, оказавшихся в фокусе германской внешней политики. Пожалуй, самыми известными негерманскими авторами на тему пангерманизма являются: профессор истории университета Вашингтона в Сент-Луисе Роланд Грин Ашер (1880-1957), британский

публицист Остин Харрисон (1873-1928), французский учёный, специалист по геополитике Андре Шерадам (1871-1948) и профессор Сорбонны Шарль Андлер (1866-1933), основавший во Франции научную школу германистики [14].

Методологическую основу исследования составили историзм, системность и объективность при обосновании тенденций общественно-исторического развития Германии, интеллектуальной и политической атмосферы, в которой происходило формирование пангерманизма.

Использование дискурсивно-аналитического метода позволяет рассматривать пангерманизм через авторский нарратив (личный и профессиональный опыт историков, национальные традиции историописания, политические взгляды). Понимание пангерманизма как международного и национального явления с помощью интерпретационного метода даёт возможность оценить его внешние эффекты в контексте международных отношений и внешней политики Германии.

Результаты и их обсуждение

Roland G. Asher

Рис. 1. Роланд Грин Ашер

Профессор истории Р. Г. Ашер был представителем американской школы национальной историографии, набравшей силу с конца XIX в. в университетах Среднего Запада. Для самого Р. Г. Ашера и его коллег (Фредерик Джексон Тёрнер, Карл Беккер, Чарльз и Мэри Бирд) Средний Запад в отличие от традиционализма Новой Англии (Массачусетс, Коннектикут, Вермонт) олицетворял собой новую историографическую традицию, устремлённую в демократическое будущее [1; 3; 5]. Сферу

интересов историков Среднего Запада составили проблемы роли и места США в системе современных международных отношений, экономические основания американской исключительности, идеи атлантизма. Эти и другие вопросы стали краеугольными и для творчества Р. Г. Ашера [20-26].

Написанный в жанре историко-политического очерка «Пангерманизм» Р. Г. Ашера изобилует блестящими обобщениями, но практически полностью лишён ссылок. Пространные выводы, сделанные историком незадолго до начала Первой мировой войны, рисуют зловещую картину пангерманизма, как своего рода таинственного культа, который был «направлен на получение Германией и её союзниками контроля над миром и сохранении этого контроля» [21, с. 101, 102].

Понимание Р. Г. Ашером неизбежности войны, которая завершала *Belle Époque* общеевропейского равновесия, равно как и хронология изданий его произведений, наводят на мысль о том, что очерк американского историка о пангерманизме был важен для более глубокого понимания похожего феномена в США. Год спустя в нью-йоркском издательстве выходит его работа о панамериканизме [20]. В этом исследовании, объёмом в два раза больше, чем очерк по пангерманизму, Р. Г. Ашер формулирует противоречивое определение панамериканизма, называя его «утопией мира, демонстрацией превосходства морали Запада над Восточным полушарием, Нового Света и его христианства над Старым» [20, с. 203], а также вполне реалистичной для США перспективой структурирования интересов американских «пацифистов, капиталистов, империалистов», желающих придать основания своим желаниям и амбициям, «лицемерными заявлениями заботы старшего брата о младшем» [20, с. 204].

Возвращаясь к пангерманизму, Р. Г. Ашер заключает, что он стал продуктом немецкой интеллектуальной мысли, хотя «никто из современников не поверит, что его важные аспекты не были итогом аналогичных рассуждений в Италии или Австро-Венгрии» [21, с. 117]. Бисмарк был первым государственным деятелем, увидевшим все его возможности, «хотя мы пока не можем быть уверены, за какую часть того, что сейчас называют пангерманизмом, он действительно несёт ответственность. Фон Биберштейн, фон Тирпиц и, прежде всего, нынешний император несут ответственность за многое и, безусловно, заслуживают похвалы (или дискредитации) за то, что довели пангерманизм до его нынешнего состояния совершенства, но сам пангерманизм является продуктом различных политик, последовательно отстаиваемых немецкими государственными деятелями после образования современной империи» [21, с. 117].

Рассматривая пандвижение с точки зрения его адаптивных механизмов, Р. Г. Ашер делает ряд важных выводов. Кроме того, что для победителя в уже шедшей войне панидеология станет триумфом и руководством к действию, для Германии, в случае её проигрыша, она может изменить фокус направленности с Запада на Восток. Интересы, скрытые за заявлениями о помощи слабым народам или за декларацией о выживаемости немцев, вынудят Германию выбрать новое пространство, достигаемое по суше, куда она сможет добраться даже без статуса морской державы [20, с. 142-144]. Эти рассуждения американского профессора истории не лишены здравого смысла, так как последовавшее несколькими годами позже поражение Германии привело к переориентации пангерманизма к возрождению континентальной «Великой Германии».

Ещё одно адаптивное преимущество пангерманизма, по мнению Р. Г. Ашера, связано с его конфедеративным (интеграционным) эффектом. Даже в условиях поражения Германии, пангерманизм, наиболее остро вызывающий к жизни патриотические чувства, способен объединить немцев независимо от гражданства. Несмотря на обоюдную историческую неприязнь Пруссии к Австрии, а также то, что «ни один кайзер не осмеливался отправиться на юг Германии без телохранителей» [21, с. 258], мысль о возрождении империи, ковавшаяся веками, не способна исчезнуть без последствий.

Рис. 2. Остин Харрисон

Авторский взгляд на пангерманизм через призму англо-германского антагонизма предложил британский журналист и редактор литературного журнала *The English Review* Остин Харрисон. Его работа «Пангерманская доктрина», впервые опубликованная в 1904 г., выдержала

несколько последующий переизданий. Ссылаясь на политические, экономические, военно-морские и филологические труды современных ему немецких учёных, писателей, публицистов и, разумеется, массовую периодическую печать, О. Харрисон попытался рассмотреть пангерманизм «с точки зрения его достоинств и недостатков» [15, с. VI]. Пангерманизм виделся британцу, как «серьёзная политическая доктрина» [15, с. VI] и «национальное движение, идеалом которого являлся национальный союз всех немцев» [15, с. VII]. Не было ничего дурного в том, – отмечал О. Харрисон, – чтобы «научить немцев мыслить национально» [15, с. VII].

Условиями возникновения пангерманизма в его современно виде, по мнению О. Харрисона, был сохранявшийся англо-германский антагонизм» [15, с. VIII]. Описывая международные отношения начала XX в., О. Харрисон полагает, что условия возникновения пангерманизма были самыми благоприятными. Он отметил, что после поражения в войне с Японией, «морская мощь России была уничтожена, а с ней в значительной степени и её престиж [...] Весьма вероятно было, что дальше Россия выйдет из европейской борьбы искалеченной дипломатической тенью своего прежнего «я». Германия будет всячески использовать эту ситуацию для сближения со славянами, а слабость России, а тем более её унижение, будут способствовать укреплению пангерманской идеи и силы Германии в европейском концерте» [15, с. VII]. С другой стороны, англо-французское соглашение (1904) оставалось «одним из величайших препятствий на пути к реализации мыслимой пангерманской идеи [...] На данный момент Германия «остановлена»; кажется, что вся её внешняя политика провалилась. У немцев неприятное чувство изоляции – ощущение, что мир делят на части другие, а им суждено смотреть на это с пустыми руками [...] Это побудило «Пангерманский союз» обратиться к канцлеру с просьбой получить западное побережье и внутренние районы Марокко в качестве «компенсации» от Франции», придав импульсы пангерманскому движению [15, с. VII].

Разочарование немцев могло быть преодолимо только в случае неудач их исторических соперников – британцев. На протяжении Трансваальской войны, широко известной как Вторая англо-бурская война (1899-1902), пангерманцы последовательно укореняли в сознании немцев неприязнь к Великобритании. Если бы Великобритания потеряла две бывшие бурские республики, – заключает О. Харрисон, – то пангерманизм, скорее всего, стал бы авторитетным политическим принципом Германии; имея в качестве своей движущей силы враждебность по отношению к англичанам, а главной целью – разрушение

британского могущества [15, с. 9].

Рассуждая о самом «Пангерманском союзе», О. Харрисон подчеркнул качество «подпольной работы» снизу, так как сама организация оставалась сравнительно малочисленной, не будучи ни партией, ни парламентской коалицией, ни частью правительства: «Среднестатистический немец не хочет, чтобы его беспокоили политические проблемы, а правительство считает, что само по себе такое беспокойство является нежелательным» [15, с. 10]. Несмотря на то, что главная сила пангерманцев – агитация – имела и негативный и созидательный эффект, их доктрина, строилась на великом национальном идеале единства, чего не было у англосаксов. Их заслуга в том, что пангерманцы научили немцев осознавать этот идеал, в общем, так и понимать важность военно-морской силы, в частности [15, с. 24].

В отличие от выводов американского коллеги и британского журналиста, французские историки первой четверти XX в. в своих оценках пангерманизма всё ещё оставались под влиянием результатов франко-германской войны, приведшей к образованию Германской империи.

Рис. 3. Андре Шерадам

Учёный и публицист Андре Мари Жозеф Шерадам, ученик историков Альбера Сореля (1842-1906) и Анатоля Леруа – Больё (1842-1912), к началу XX в. был авторитетным специалистом по геополитике, скрупулёзно разрабатывавшим картографический метод. Представитель немецкой школы геополитики Карл Хаусхофер (1869-1946), позднее творчество которого также связано с анализом панидей [4], высоко оценил тщательную проработку карт А. Шерадамом [4, с. 242].

Более чем на трёхстах страницах своего очерка А. Шерадам стремится разоблачить пангерманский экспансионистский план, используя свой собственный богатый картографический материал (31-ну карту), труды географов Фридриха Ратцеля (1844-1904) и Отто Рихарда Танненберга (1867-1916), материалы периодической печати (*Le Temps, The Morning Post, L'Écho de Paris*), воспоминания дипломатов и государственных служащих, как графа Хельмута фон Мольтке (1800-1891) или барона Наполеона Евгения де Байена (1855-1934). Автором часто приводятся ссылки на историков Иоганна Генриха Дитриха Шефера (1845-1929) и своего учителя Альбера Сореля: «Мой учитель красиво выразил истину о том, что дипломаты – нотариусы истории» [12, с. 52-53]. Работа А. Шерадама впервые была опубликована в годы Первой мировой войны (1916), выдержав впоследствии более 17 изданий.

Подчёркивая, что пангерманизм формировался задолго до образования Германской империи, А. Шерадам уделяет много внимания основанию «Пангерманского союза», который придал ему воинственный, милитаристский характер. Рассуждая о степени ответственности пангерманцев за разжигание европейской войны, французский публицист отмечает, что Вильгельм II поддержал образование союза [12, с. 29]: «Основанный в 1894 г. «Пангерманский союз» провёл тысячи лекций и распространил миллионы брошюр, побуждавших массы людей к аннексионизму [...] Именно благодаря «Пангерманскому союзу» все немцы, жившие за пределами империи, были систематически объединены в военную организацию; особенно это касается Австрии и Соединённых Штатов [...] В течение двадцати лет по приказу кайзера по всей империи велась яростная пангерманская пропаганда» [12, с. 32-33].

Оценивая колониальные приобретения Германии в конце XIX в. и анализируя планы пангерманцев, А. Шерадам очертил ядро континентальной пангерманской империи в будущем. По его оценкам оно должно было включать пространство «от Гамбурга до Персидского залива» [12, с. 31], что, собственно, представлял собой «пангерманский план». Его реализация была связана с формированием накануне войны тесных связей Германии с Австро-Венгрией, которая должна была гарантировать лояльность народов Балкан. На преданность монархов Болгарии, Румынии и Греции Гогенцоллерны рассчитывали благодаря династическим связям и давлению императора Франца-Иосифа (1830-1916) [12, с. 31]. Поддержки со стороны султана Германия добивалась развитием германо-турецких экономических отношений ещё со времён визита туда Вильгельма II [12, с. 31], который 8 ноября 1898 г. произнёс

«странную речь со ссылкой на Саладина о том, что он друг трёхсот миллионов магометан» [2, с. 136]. Упоминанием России, которую Германия отесняет на Дальний Восток войной с Японией, А. Шерадам показывает, что так называемый «пангерманский план» и «пангерманизм» в целом отождествляются им с политикой Германии накануне войны [12, с. 30-32].

Определяя «пангерманизм» через абсолютную противоположность и радикальное отрицание принципа национальности, благороднейшей идеи, выдвинутой Французской революцией [12, с. 29], А. Шерадам квалифицирует его механически, по факту сближения территорий в основном населённых немцами, как «доктрину строго прусского происхождения, которая имеет целью, помимо любого вопроса о языке или расе, поглотить внешние области, владение которыми считается полезным для власти Гогенцоллернов» [12, с. 24]. В подтверждение такого экспансионизма А. Шерадам приводит «Пангерманский атлас» картогра Пауля Лангханса (1867-1952) [17].

Берлин, ставший для А. Шерадама центром пангерманизма, метафорически изображён как «центр огромной паутины», от которой расходятся «нити, покрывающие огромные пространства немецкой оккупации», которые Германия смогла соткать в начале войны благодаря, во-первых, искусному политическому руководству и военным действиям, и, во-вторых, последовательно игнорировавшимся союзниками пангерманским планом» [12, с. 335].

Рис. 4. Шарль Андлер

Три последовательно опубликованные работы другого французского историка

пангерманизма, Шарля Андлера, свидетельствуют о более основательной проработке проблемы, приобретшей в годы Первой мировой войны общеевропейский характер [7-10].

Ученик социолога Андре Лихтенбергера (1870-1940) и историка Генриха фон Трейчке (1834-1896), Ш. Андлер посвятил свои исследования германистике. Свою диссертацию о происхождении государственного социализма в Германии Ш. Андлер обсуждал с Фридрихом Энгельсом во время своего визита в Лондон (1891) [19, с. 43]. Поскольку изучение германистики во Франции к началу XX в. всё ещё определялось глубоким франко-германским антагонизмом, Ш. Андлеру вместе с А. Лихтенбергером пришлось приложить немало усилий, чтобы добиться включения дисциплин по немецкой истории, философии и литературе в университетские курсы и стать основателями научной школы [13, с. 401-404].

Исследование пангерманизма Ш. Андлер начинает с обзора идей, сформировавших его облик [8]. Их истоки он находит в самобытной немецкой ментальности, не поддающейся сравнению, например, с французской. Ещё Гёте говорил о французах и немцах, - пишет он, - что они морально и политически составляют вечный контраст [8, с. VII]. основополагающие идеи пангерманизма Ш. Андлер находит в трудах Юстуса Мёзера (1720-1794), Иоганна Готфрида Гердера (1744-1803), Иоганна Готлиба Фихте (1762-1814), Дитриха фон Бюлова (1757-1807), Эрнста-Морица Арндта (1769-1860), Фридриха-Людвига Яна (1778-1852), Фридриха Листа (1789-1846), Хельмута фон Мольтке, Бисмарка, Генриха фон Трейчке (1834-1896), Пауля де Лагарда (1827-1891), Константина Франца (1817-1891) и др.

Попытки систематизации идей пангерманизма привели Ш. Андлер к пониманию четырёх причин его возникновения, две из которых он называет исключительно прусскими, а две остальные - общегерманскими. *Во-первых*, подавляющий славянство воинственный германизм Тевтонского ордена, наследницей которого напрямую является Пруссия. Этот германизм ещё можно было назвать христианским, поскольку он был связан с поощрением колонизации немцами-католиками восточных областей, исходя из расчёта о преумножении церковных богатств. *Во-вторых*, амбиции династии Гогенцоллернов, желавшей добиться независимости от императора Священной Римской империи германской нации. Великий курфюрст Фридрих Вильгельм I (1620-1688), успешно воевавший за выход прусских герцогов из ленной зависимости от Польши, тем самым положил начало вековому польско-германскому антагонизму. *В-третьих*, престиж Священной Римской империи, который важно было поддерживать военными методами, отражая

набеги османов. Этот же престиж определялся внутренней конкуренцией за императорскую корону, где чрезвычайно важными были военные успехи. *В-четвёртых*, торговые и гражданские свободы немецких городов, которые требовали поддержки и коллективной защиты. Свободолюбивые традиции немецкого народа (горожан), создавшего величественный облик классической готики, укрепляли гордость за достигнутые в результате внутренней борьбы свободы, формируя патриотические чувства обычных немцев [8, с. XII-XXI].

Ш. Андлер объяснял пангерманизм как воинственную стратегию, расходясь в этом со своим коллегой А. Лихтенбергом, который считал, что агрессивная пангерманская политика Вильгельма II представляет собой лишь часть такой же агрессивной общеевропейской политики соперничества [18, с. 142-145]. Благодаря пангерманизму, оформившемуся к концу XIX в. уже не как идеология, а как движение, - заключает Ш. Андлер, - Германия в большей мере, чем в остальных европейских странах, чья политика оставалась «кабинетной», оказалась подвержена широкомасштабному воздействию снизу: «Немецкие правители, по своему характеру или для сохранения своей репутации в глазах наиболее уважаемых в обществе классов, должны были следовать за этими меньшинствами. Сам принц Бюлов часто приписывал «Пангерманскому союзу» заслугу в том, что он стимулировал или поддерживал пробуждение национальных

чувств. Как будто нужно было возбудить или подержать чувство, которое все школьное и университетское образование и все привычки немецкой общительности пропитали самой агрессивной гордостью за сорок четыре года! Мы называем «пангерманизмом» амбиции этой умело культивируемой гордыни, которую легко высвободить на дороге авантюризма» [7, с. 65].

Заключение

Попытки рассмотрения пангерманизма американскими, английскими и французскими историками и публицистами, предпринятые с позиций историографических школ, политических позиций или жизненного опыта, красноречиво доказывают, что его понимание выходит за рамки проблемы исключительно национальной истории. Несмотря на редукционизм интуитивного восприятия, труды современников - исследователей пангерманизма - сложно назвать обычными очерками или литературными сочинениями. Они изобилуют имеющимися в распоряжении авторов источниками, отдельно проработанными и систематизированными. Не меньшей заслугой кажется прогностический характер исследований пангерманизма, основанный на альтернативных суждениях о природе его будущего развития в Германии и влиянии на европейские народы. В этом отношении негерманский взгляд на пангерманизм позволяет увидеть то, что осталось за рамками, оценить резонирующий характер пангерманских идей и средств их реализации.

Список литературы

1. Соколов А. Б. История исторической науки. Историография Новой и Новейшей истории: учебник для вузов / А. Б. Соколов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2023. 309 с.
2. Тарле Е. В. Сочинения: В 12-ти т. Т. 5: Европа в эпоху империализма. 1871-1919 г. / Сост.: А. В. Паевская и А. Г. Чернов; ред. В. М. Хвостов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 593 с.
3. Терехов О. Э. Историческая мысль и историческая наука Запада XIX – XX вв. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2006. 163 с.
4. Хаусхофер К. Панидеи в геополитике / Карл Хаусхофер. О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. С. 251-352.
5. Цветков И. А. Американские историки. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. 190 с.
6. Швейвер Д. Юнг и дистанционное видение. Психика и сверхвосприятие / Д. Шейвер; пер. с англ. М.: Кучера, 2014. 134 с.
7. Andler C. Le pangermanisme. Ses plans d'expansion allemande dans le monde. Paris: Colin, 1915. 80 p.
8. Andler C. Les origines du pangermanisme (1800 à 1888). Paris: L. Conard, 1915. 335 p.
9. Andler C. Le pangermanisme colonial sous Guillaume II. Paris, 1916. 335 p.
10. Andler C. Le pangermanisme philosophique (1800-1914). Paris, 1917. 398 p.
11. Bonhard O. Geschichte des Alldeutschen Verbandes. Leipzig-Berlin: Theodor Weicher Verlag, 1920. 291 S.
12. Chéradame A. Le plan pangermaniste démasqué. Le redoutable piège berlinois de «la partie nulle». Paris: Librairie Plon, 1916. 356 p.
13. Décultot E. Germanistik (études allemandes) en France // Dictionnaire du monde germanique. Paris: Bayard, 2007. P. 401-404.
14. Espagne M., Werner M. (ed.): Les études germaniques en France (1900-1970). Paris: CNRS Editions, 1994. 557 p.
15. Harrison A. The Pan-Germanic Doctrine. Being a study of German political aims and aspirations.

London, New York: Harper & Brothers, 1904. 379 p.

16. Jung C. G. Zur Psychologie und Pathologie sogenannter occulter Phänomene. Leipzig: Druck von O. Mutze, 1902. 122 S.

17. Langhans P. Deutscher Kolonial-Atlas: 30 Karten mit 300 Nebenkarten. Gotha: Justus Perthes, 1893-1897. 30 S.

18. Marmetschke K. Feindbeobachtung und Verständigung. Feindbeobachtung und Verständigung in den deutsch-französischen Beziehungen. Köln-Weimar-Wien: Böhlau, 2008. 589 S.

19. Tonnelat E. Charles Andler: sa vie et son œuvre. Paris: Les Belles Lettres, 1937. 328 p.

20. Usher R. G. Pan-Americanism: A Forecast of the Inevitable Clash Between the United States and Europe's Victor. New York: The Century Co., 1915. 466 p.

21. Usher R. G. Pan-Germanism. Boston, New York: Houghton Mifflin company, 1914. 314 p.

22. Usher R. G. The challenge of the future. New York: Grosset & Dunlap, 1916. 350 p.

23. Usher R. G. The Pilgrims and their history. New York: The Macmillan Company, 1918. 310 p.

24. Usher R. G. The reconstruction of the English church. New York: D. Appleton, 1910. 423 p.

25. Usher R. G. The rise and fall of the High commission. Oxford: The Clarendon press, 1913. 380 p.

26. Usher R. G. The rise of the American people. A philosophical interpretation of American history. New York: The Century co., 1914. 413 p.

PAN-GERMANISM: A NON-GERMAN VIEW ON THE GERMAN PROBLEM IN THE END OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

The article deals with assessments and interpretations of Pan-Germanism in the works of historians and publicists of the early 20th century. They were united by their non-German origin and the desire to present Pan-Germanism as an integral phenomenon of a national and pan-European character. The interest of historians in Germany is associated with the activation of its foreign policy and the beginning of the First World War. Pan-Germanism is seen as a nationalist ideology, social movement and foreign policy of the government of the German Empire in the era of Wilhelm II (1888-1918). French, British and American scholars, who published their work on the eve of the First World War, seek to understand, on the basis of the sources available to them, the causes of Pan-Germanism, the conditions for its emergence and the nature of its influence on the course of European history. The author focuses on the intuitive nature of the interpretations of Pan-Germanism, referring to the concept of "remote vision", taken from the analytical psychology of the early twentieth century. In this regard, attempts to comprehend Pan-Germanism were largely determined by personal experience, political predilections, and the nature of the development of diplomatic relations between countries. On the example of French historiography of the first quarter of the twentieth century, the experience of an objective scientific analysis of German history (Ch. Andler, A. Lichtenberger) and the creation of the French school of German studies are considered. Published but not previously translated into Russian texts by foreign historians are introduced into scientific circulation.

Keywords: Pan-Germanism, ideology, nationalism, historiography, German studies, intellectuals, World War I, opinion journalism, imperialism.

References

1. Sokolov A. B. Istoriya istoricheskoy nauki. Istoriografiya Novoj i Novejshej istorii: uchebnik dlya vuzov [History of historical science. Historiography of Modern and Contemporary History] / A. B. Sokolov. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Izdatel'stvo Yurajt, 2023. 309 s.

2. Tarle E. V. Sochineniya: V 12-ti t. T. 5: Evropa v e`poxu imperializma. 1871-1919 g. [Europe in the era of imperialism. 1871-1919]. / Sost.: A. V. Paevskaya i A. G. Chernov; red. V. M. Xvostov. M: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1958. 593 s.

3. Terexov O. E`. Istoricheskaya my`sli` i istoricheskaya nauka Zapada XIX – XX vv. [Historical thought and historical science of the West in the 19th – 20th centuries]. Kemerovo: Kemerovskij gosudarstvenny`j universitet, 2006. 163 s.

4. Xausxofer K. Panidei v geopolitike [Panideas in geopolitics] / Karl Xausxofer. O geopolitike: Raboty` razny`x let. M.: My`sli`, 2001. S. 251-352.

5. Czvetkov I. A. Amerikanskije istoriki [American Historians]. SPb: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2008. 190 s.

6. Shvejver D. Yung i distancionnoe videnie. Psixika i sverxvospriyatie [Jung and remote vision. The psyche and superperception] / D. Shejver; per. s ang. M.: Kuchera, 2014. 134 s.

7. Andler C. Le rangermanisme. Ses plans d`expansion allemande dans le monde [Rangermanism. His plans for German expansion around the world]. Paris: Colin, 1915. 80 r.

8. Andler C. Les origines du pangermanisme (1800 à 1888) [The origins of Pan-Germanism (1800 to 1888)]. Paris: L. Conard, 1915. 335 r.

9. Andler S. Le pangermanisme colonial sous Guillaume II [Colonial Pan-Germanism under Wilhelm II]. Paris, 1916. 335 r.

10. Andler S. Le pangermanisme philosophique (1800-1914) [Philosophical Pan-Germanism

(1800-1914)]. Paris, 1917. 398 p.

11. Bonhard O. Geschichte des Alldeutschen Verbandes [History of the Pan-German league]. Leipzig-Berlin: Theodor Weicher Verlag, 1920. 291 S.

12. Chéradame A. Le plan pangermaniste démasqué. Le redoutable piège berlinois de «la partie nulle» [The Pan-German plan unmasked. The dreaded Berlin trap of the “draw game”]. Paris: Librairie Plon, 1916. 356 p.

13. Décultot E. Germanistik (études allemandes) en France [German Studies in France] // Dictionnaire du monde germanique. Paris: Bayard, 2007. P. 401-404.

14. Espagne M., Werner M. (ed.): Les études germaniques en France (1900-1970) [German Studies in France (1900-1970)]. Paris: CNRS Editions, 1994. 557 p.

15. Harrison A. The Pan-Germanic Doctrine. Being a study of German political aims and aspirations. London, New York: Harper & Brothers, 1904. 379 p.

16. Jung C. G. Zur Psychologie und Pathologie sogenannter occulter Phänomene [On the psychology and pathology of so-called occult phenomena]. Leipzig: Druck von O. Mutze, 1902. 122 S.

17. Langhans P. Deutscher Kolonial-Atlas: 30 Karten mit 300 Nebenkarten [German Colonial Atlas: 30 maps with 300 additional maps]. Gotha: Justus Perthes, 1893-1897. 30 S.

18. Marmetschke K. Feindbeobachtung und Verständigung. Feindbeobachtung und Verständigung in den deutsch-französischen Beziehungen [Enemy views and communication. Enemy view and understanding in Franco-German relations]. Köln-Weimar-Wien: Böhlau, 2008. 589 S.

19. Tonnelat E. Charles Andler: sa vie et son œuvre [Charles Andler: his life and work]. Paris: Les Belles Lettres, 1937. 328 p.

20. Usher R. G. Pan-Americanism: A Forecast of the Inevitable Clash Between the United States and Europe's Victor. New York: The Century Co., 1915. 466 p.

21. Usher R. G. Pan-Germanism. Boston, New York: Houghton Mifflin company, 1914. 314 p.

22. Usher R. G. The challenge of the future. New York: Grosset & Dunlap, 1916. 350 p.

23. Usher R. G. The Pilgrims and their history. New York: The Macmillan Company, 1918. 310 p.

24. Usher R. G. The reconstruction of the English church. New York: D. Appleton, 1910. 423 p.

25. Usher R. G. The rise and fall of the High commission. Oxford: The Clarendon press, 1913. 380 p.

26. Usher R. G. The rise of the American people. A philosophical interpretation of American history. New York: The Century co., 1914. 413 p.

Об авторе

Турыгин Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Костромской государственной университет (Россия), E-mail: aturigin@mail.ru

Turygin Alexander Alexandrovich – Candidate of History, Docent, Docent of department of History, Kostroma State University (Russia), E-mail: aturigin@mail.ru